

Михаил Окунь

Отсрочка ада

Михаил Окунь

Отсрочка ада

«Институт соитологии (ИС)»

Окунь М.

Отсрочка ада / М. Окунь — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-10938-4

«...Увиденное автором поражает своей точностью, пронзительностью. Галерея женских портретов, как говорится, „бьет по мозгам“. Те ужасы (и запретные радости) нашей жизни, о которых многие лишь слышали, проходят перед нами в этой книге. И портрет самого героя нарисован с небывалой для нашей литературы откровенностью: городской плеейбой, ищущий приключений, а находящий трогательные картины настоящей жизни, существующей, оказывается и на дне.»
Валерий Попов, председатель Союза писателей Санкт-Петербурга

ISBN 978-5-457-10938-4

© Окунь М.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Окунь

ОТСРОЧКА АДА

*Посвящается той, которая способствовала
отсрочке ада.*

В тот миг могильной мглой над самой головою

Нежданно облако возникло грозное.

Порочных демонов орду оно влекло,

Глазевших на меня и холодно и зло.

Ш. Бодлер

Нужно заслужить смерть всеми своими страстями,

не отказываясь ни от какого яда,

не отвергая никакого опыта, сколь бы он ни был

унизителен или грязен.

Генри Миллер

1

Они беззаботно играли в каучуковый мячик на узком мосту над ревущей бездной...

Впрочем, фраза эта хоть и нарочито броская, но несколько избыточная. С одной стороны действительно было некое подобие бездны – разделенный на три русла водопад, слив старинной плотины. Дальше все русла соединялись в одно, вновь образуя реку. Так что мост, строго говоря, мостом и не являлся, а был частью шоссе, проходившего по плотине.

Из потока, подобно выбросившимся на мелководье китам, выпирали спины огромных каменных жерновов – расколотых и целых. Когда-то с помощью этих мощных кругалей мололи порох, время от времени добиваясь, по недомыслию, неслабых взрывов. О том, что здесь производились столь впечатляющие эксперименты, свидетельствовала прибрежная стела с надписью «Петровские пороховые заводы. 1715 год». На двух массивных металлических медальонах, укрепленных на стеле, были изображены фигуры пороховых дел мастеров, чем-то напоминающие персонажи Брейгеля Адского.

Снять эти медальоны обожателям цветных металлов было, видимо, не под силу – ввиду адских же размеров вожделенных изделий. А вот маленькие пушечки, размещенные по четырем углам монумента, – казалось бы, за милую душу! Но не тут-то было. Архитектор, видать, был парень не дурак, прекрасно изучивший свой сметливый народ. Он изготовил пушечки из обычного бетона и очень натурально выкрасил под медь. В чем и убедился некто из интересантов, отколов от бутафорских орудий несколько кусочков. Представляю себе разочарование этого усердного и неленивого человека!

Все это я веду к тому, что на памятниках, стоящих в разных точках моей невеселой страны (даже не обязательно где-нибудь на отшибе), цветной металл имеет свойство таинственно исчезать, появляясь при этом, вполне по Ломоносову, уже совсем в других местах (помните родное с детства: «если в одном месте убавится...»). Причем, как правило, в распиленном и перекореженном виде.

Итак, с одной стороны низвергались ревущие коричневые струи, а ниже горбатилось русло речки с неровными кочковатыми берегами, поросшими кустарником, продрасться через который даже по тропинкам было не так-то просто.

Кроме того, на берегах просматривались полуразрушенные, подобно кариесным зубам старца, руины – арки и гроты. Их для обустройства нехитрого быта всюю использовал забредший в эти края разновозрастный бесприютный народец.

А выше на одном из склонов виднелось розоватое здание потустороннего вида, окруженное каменной стеной. Снизу иногда можно было наблюдать, как на огороженной территории изредка, словно сомнамбулы, появляются абсолютно забинтованные люди с прорезями в повязках лишь для глаз и рта. Страшно шептала местная молва, что это лепрозорий...

Другим боком шоссе уютно лежало на травяном берегу. Со стороны воды бережок был ограничен поребриком, точнее, невысокой стенкой из красного массивного гранита. А над всем возвышалась огромная металлическая конструкция, крашенная во что-то бурое, с застекленной будочкой наверху. Надо понимать, этот монстр и управлял механизмами открывания и закрывания плотины.

С бережка взору представал широчайший речной разлив. Вдали он был разделен то ли островом, то ли полуостровом, покрытым густой зеленью. Отсюда вода устремлялась через ворота плотины, скрытые где-то в недрах, на другую сторону, вниз.

Когда уровень воды спадал, из-под поверхности вылезали крокодильи морды сгнивших бревен какого-то совсем древнего сооружения.

Зачем я так подробно описываю это место, сочетающее в себе прекрасное и уродливое? А затем, что под боком пронесившихся по шоссе машин, на узеньком тротуарчике со

сломанными ржавыми перильцами, предназначенными для защиты от падения в водопад пешеходов, контуженных алкоголем или трудной жизнью, в каучуковый мячик играли *эти двое* (они выбрали, конечно, именно опасную сторону). Кидали его о землю, и в полном соответствии с законами физики мячик отскакивал в руки партнера.

...И я подошел к ним, потому что был пьян, одинок и заморожен ими.

Теперь-то я знаю, что должен был немедленно остановить первую попавшуюся машину и умолить водителя умчать меня подальше от ревущей воды.

Или, скатившись по узкой боковой лесенке к подошве водопада, вломиться в путаницу прибрежных зарослей и продираться в ней до изнеможения.

Или вскарабкаться на кручу к забинтованным потусторонникам из розового дома и покрыть братскими поцелуями их страдающие глаза с высыхающими рогами.

Но ничего этого я не сделал... Демоны вырвались из преисподней. Их рев (или рев воды?) нарастал во мне, тревожил, но словно заглушался мягкими шлепками сгустка каучука об асфальт.

2

... К чему этот надрыв?!

Двое малолеток, мальчишка и девчонка, играли в собачий мячик. Я, по пьянке, подкатился к ним. Поводом для знакомства послужили два пластмассовых ящика из-под бутылок, красный и черный. Я их еще раньше заметил укрытыми под кустом. Видимо, какой-то местный бомжик припрятал их, чтобы выручить потом в ларьке несколько рублей. Не сделал сразу, вот и обделался.

Я сказал им о ящиках, и, учуяв поживу, они враз забыли про свою дурацкую игру и кинулись за добычей. Схватили ящики, а потом мы вместе влезли в автобус и поехали, усевшись на эти самые ящики посреди прохода. Девчонка запрыгнула ко мне на колени. Мы были эпатажные ребята...

Оказалось, что живем совсем рядом, и они пригласили меня зайти к ним (отнюдь не в благодарность за ящики – просто так).

Вот, собственно, таково начало этой истории.

«Все не то, не то!...» – как однажды досадливо вскричал Иван Бунин в одном из своих стихотворений.

Я не в состоянии теперь в точности описать их тогдашнюю внешность, хотя видел их в течение двух лет чуть ли не каждый день. Их внешность словно расплывается, дробится, ускользает...

Безусловно, они были очень похожи друг на друга. Курносые, с волосами пепельного цвета, светлоглазые (голубое с серым). Их глаза отражали все окружающее, как зеркала, как любая полированная поверхность, но ничего в себя при этом не принимали, как бы не давали пропуска в мозг. И еще они имели свойство смотреть сквозь тебя – и в данном случае это не литературный штамп. Говорят с тобой и не видят. Просто потому, что тебя нет. Действительно для них нет.

Гена и Надя. Ему четырнадцать лет, ей одиннадцать.

У нее были гладкие волосы до плеч и родинка на правом крыле носа. И очень чувственный изгиб рта.

Не один я был такой приметливый. Однажды летом мы шли (я держал ее за руку) в музей-квартиру Пушкина – как ни странно, был и такой эпизод. Я забрал ее из дому, и она безропотно пошла. Без любопытства, но и без возражений – ей было все равно. По дороге Надя захотела пить, и мы завернули в ближайшую точку, где это можно было сделать – розлив на Моховой.

За стойкой стоял мой знакомый – невысокий круглоголовый человек по имени Саша. Внешность официанта. Сдержан, аккуратен, непьющ. Всю клиентуру сквозь железо видит. В долг – никому! – грамма не нальет. Принцип!

Она посмотрела на него своим необъяснимым скользящим взглядом. Он увидел ее. И глазные яблоки этого истукана превратились в глазные груши. Долго еще потом, когда я заглядывал в его заведение, Саша, напроочь позабыв о своей железобетонности, безусловно внутренне ломая себя и при этом проклиная все на свете, выклячивал номер ее телефона. А я не давал.

Наконец, лет через пять, я сказал ему, что той невероятной девочки уже нет, ее место заняла беременная деваха с грубой речью. И лишь тогда он угомонился.

А Гена... С прозрачным выпуклым взглядом он шел на все – уверенно, нечувствительно, словно зная, что с ним никогда не может случиться того, чего он не захочет сам. Но теперь, по прошествии нескольких лет, не думаю, что существовали вещи, которые он не хотел бы испытать...

3

Автобус миновал мой дом (была последняя возможность выскочить, спастись), проехали еще одну остановку. Мы вышли, и через пять минут я оказался в трехкомнатной квартире за черной железной дверью без номера. «Вот они, мои вертепы и трущобы!..»

Хламом было завалено все. В углах высились монбланы тряпья. Потом я понял, что это одежда для ежедневной носки. Из кухни перла жуткая вонь – там в два этажа стояли железные клетки с кроликами. По окнам кустилась помидорная рассада, высаженная в битые аквариумы. Унитаз был расколот пополам, как шелом воина ударом тяжелого мяча.

Часть спальных мест представляла собой составленные вместе деревянные ящики с набросанной на них ветошью. В ноги постоянно тыкалась огромная полуслепая дворняга по кличке Чирик. Время от времени она падала – вероятно, от слабости.

Полчища тараканов обеих мастей – рыжей и черной – занимались своей внутренней жизнью и в дела хозяев не совались. Последние, как я заметил, платили им тем же. В этой части быта квартиры все было гармонично.

По полу ползала маленькая девочка с черными руками и ногами – как мне пояснили, сводная сестра по матери моих новых знакомцев. А вот и явление самой матери.

Жидковолосая желтозубая женщина лет тридцати пяти пытается состроить для гостя приветливую улыбочку. Не получается. Давят семь-восемь дней тяжелого запоя. Выходит гримаса страдания.

Но столь внезапно появившийся гость понятлив. Поманив с собой Гену, он разворачивается и отправляется за бутылкой водки.

– Мамка чего-то совсем сегодня... – мямлит Гена, когда мы выходим на улицу. В отличие от постоянно загадочно молчащей сестры, он изредка что-нибудь произносит. Впрочем, чем дальше, тем говорить он будет больше.

Я украдкой смотрю на него. Да, на помойках иногда произрастают весьма неожиданные цветочки. Меня удивляет его чистая матовая кожа – при такой-то дикой грязище в доме! И хотя на данный момент это так, не пройдет и двух-трех месяцев, как я увижу, что тело его обсыпано гроздьями чесоточных прыщей. Что, Впрочем, не произведет на меня никакого впечатления – чтобы облегчить его зуд, я даже буду почесывать эту узкую крепкую спинку. А пока мы направляемся в магазин.

Я проснулся на продавленном диване – гостю место! Небо черно. Из разбитого окна дует сентябрьским холодом. Помидорные плети успешно играют роль ночного кошмара.

Рядом со мной хрипит и булькает женщина. Было ли у нас что-нибудь? Да, было, – в памяти всплывают, как два поплавка, ее округлые упругие ягодицы. Позже я убедился, что такие вот ягодицы – их фамильное достояние. Всех Господь наградил.

Еще одно подтверждение, что любовь в ту ночь состоялась, я получил через пару недель. Жестокий зуд заставил меня обратить пристальное внимание на лобок. А там...

Вот эти серные студенистые капельки на волосах – не что иное, как гниды. Те самые, знаменитые, ставшие в русском языке нарицательными. В сумки волосков уже вцепились существа, похожие на микроскопических крабиков – хоть и совсем юные, но уже вполне самостоятельные вылупившиеся воши лобковые (или, по-народному, мандавошки). А среди своего богатого хозяйства, деловитая, как мамаша в борделе, шустро снует взрослая особь. С великими трудами уловленная и с мерзким лопающимся звуком казненная.

Так состоялось мое знакомство с этим семейством. Я покинул квартиру с первым светом и уже через десять минут содрогнулся от воспоминаний о ней сильнее, чем от похмелья.

На ночлег, не говоря уже о повторных сеансах с главой семьи, Наташей, больше никогда не решался. Да и закрутило другое...

4

Словно злой гном обратил меня, сорокалетнего, в четырнадцатилетнего мальчишку. Или я всегда им оставался?

Шла первая половина девяностых годов. Издательство, где я работал, благополучно развалилось. Инфляция галопировала.

Я перестал быть нужным хоть кому-либо. Мне никто не звонил неделями. Я выходил на улицу лишь для того, чтобы почувствовать – я тоже существую, аз есмь сущий. Всем было на меня наплевать. Всем, кроме их двоих. Хотя с последней безыллюзорностью я понимал, что это – весьма необычная дружба: между человеком, впавшим в детство (временно? или из него не вылупившимся?) и двумя практически беспризорными подростками, детьми алко-голиков.

Мы шатались по окраинным пустырям и паркам. Собирали пустые бутылки. Мне трудно воспроизвести наши разговоры. Что-то на уровне тинэйджеров, в одного из которых я превратился. А в поведении – те же штучки. Единственное, на что у меня достало ума не пойти – это предложение Гены «раздевать» ночью машины, стоящие у домов. «Это же как два пальца обоссать! – убеждал он. – Пока хозяин выскочит на сигнализацию...» Новый год мы с ним встретили у ночного ларька, распивая бутылку дешевого портвейна.

Время от времени, когда мне выпадали случайные гонорарные деньги, я таскал Гену с собой по шалманам так называемых домов творческой интеллигенции (Надя оставалась дома – все-таки она была еще слишком мала). Иногда в этих вертепах происходили примечательные случаи.

Однажды женщина типа «вамп», лет сорока, сидевшая за соседним столиком, начала заметно нервничать, глядя на нас. Двое ее спутников, мужчина и женщина, заметили это и окинули нас оценивающим взглядом.

Наконец женщина не выдержала и, процедив «Разрешите?...», села за наш столик. Алкоголь в ее крови уже сделал свое дело, подавив всевозможные сдерживающие центры.

Ее фигура была прекрасна (подозреваю даже такую редкость в отечестве на то время, как грудные силиконовые протезы), а дергающееся психопатическое измученное лицо – ужасно. Обтягивающее черное вечернее платье с блестками, глубочайше декольтированное, сидело на ней, как змеиная кожа.

Пылающим взглядом огромных антрацитовых глаз она впиалась в Генкино лицо и без лишних предисловий предложила *менаж де труа*, добавив, что хорошо заплатит.

Я объяснил ему, что это за «менаж». Он, просительно взглянув на меня, ответил: «Нет» Просительно потому, что догадывался – я не против, и если согласится он – препятствий не возникнет.

– Нет! – словно перевел я ей.

– Но почему?! – с прорвавшимся в голосе рыданием спросила она.

– Мой друг не хочет! – твердо ответил я.

А юный друг тем временем окаменел, упершись взглядом в стол. Я же прекрасно понимал, что в предложенном треугольнике нужен ей он и только он.

Женщина резко дернулась, вставая, прошипела явно в мой адрес «пидер гнойный» и, извиваясь, уползла за свой столик. А потом долго еще гипнотизировала оттуда Гену своими угольями.

Другой случай был не столь безобиден. Крепкотелый толстый мужчина в роговых очках, в вошедших уже в моду массивных золотых цепях и перстнях, с бритым черепом, долго бросал на нас пронзительные взгляды из темного угла кафе Дома писателей. А потом подошел, вежливо, но как-то зловеще извинился и попросил меня выйти вместе с ним.

Мы оказались на площадке невысокой мраморной лестницы за спиной гипсового крашеного Маяковского. Череп захватил мою рубашку в кулак, приблизил свое лицо к моему, и с коньячным перегаром выдохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.